

Кетрон никогда по-настоящему не восхищался внешностью других — вероятно, из-за своей собственной.

Неважно, насколько прекрасна была женщина, как красив мужчина — даже когда другие сходили с ума, говоря, что влюбились в Святую Лейлу с первого взгляда, Кетрон оставался равнодушным. Августин даже как-то раз серьёзно спросил: «Кетрон, ты уверен, что с тобой всё в порядке?»

Но этот трактирщик... был другим.

Когда кто-то впервые растормошил его, Кетрон был настолько охвачен бушующей бурей ярости, что хотел уничтожить всё.

Континент, который он так старался защитить. Всех этих людей, улыбающихся и смеющихся, словно ничего не произошло. Его бывших товарищей, предавших его — каждого из них.

Но прежде чем эта ярость успела выкипеть в лаву, тот мужчина — так называемый трактирщик — внезапно растормошил его.

На мгновение Кетрон подумал, что, должно быть, умер и попал в рай. Но затем он вспомнил, что он не совсем святой, чтобы заслужить такое место, и вот тогда до него наконец дошло — это реальность.

Кто этот человек, чьё лицо сияло так просто от самого факта его существования?

Тот мужчина затащил Кетрона в то, что он называл своим трактиром, вручил ему еду, предоставил комнату и даже принёс незнакомого вида лекарства, чтобы обработать его раны.

Конечно, Кетрон проигнорировал всё это и заперся в комнате. Он напрочь отверг доброту. Но даже так мужчина не выгнал его.

Напротив, как раз когда Кетрон снова погружался в самые низкие глубины, мужчина появился вновь — будто рассчитав момент идеально.

— Что, не плакал? Молодец, что держишься.

...С этой нелепой репликой.

Мужчина вошёл в комнату, держа то же жёлтое молоко и лекарства, что и утром. Но бутылочка, что была у него сейчас, была лишь слегка охлаждённой, покрытой каплями влаги — это была не та, что Кетрон проигнорировал тогда.

Кетрон ничего не сказал.

Без малейшей заботы в мире мужчина плюхнулся на пол прямо перед Кетроном, проигнорировав и стул, и кровать. Это было странно неформально для кого-то, кто выглядел так хорошо.

— Я приму, если ты привередлив в еде, но я не могу игнорировать раны. Так просто оставлять их — мне не по себе от этого.

Привередлив в еде.

Сначала назвал его «малышом», затем обращается с ним как с плаксой — у этого парня странный способ подбирать слова.

— Ты ещё молод. Не веди себя так, словно уже через всё прошёл. Давай обработаем эту рану.

И снова — «молод».

Кетрон не был настолько стар, но он не мог вспомнить, когда в последний раз кто-то разговаривал с ним так.

Когда он был ребёнком, вокруг не было взрослых, которые говорили бы такие вещи. А когда он вырос, он стал влиятельной фигурой — одним из сильнейших, тем, кому никто не смел указывать из-за его возраста.

Но теперь этот мужчина стоял перед ним, обращаясь с ним как с каким-то вечно ребячливым соседом — словно он и вправду был просто обычным двадцатилетним.

Конечно, мужчина не знал, кем был Кетрон. Все забыли его. Но всё же Кетрон хорошо осознавал, что его внешность обычно кажется людям угрожающей. И всё же этот парень, казалось, ни капли не смущался.

— Если ты не против... можно я взгляну на твои раны?

Мужчина спросил это мягко.

—

Кетрон не ответил.

Дело было не в том, что он опасался этого мужчины. На данном этапе у него не осталось воли.

Даже если бы кто-то подошёл к нему с клинком и приставил его к его горлу, он не уверен, что даже дрогнул бы. И мужчина явно не был обученным бойцом — это мог увидеть кто угодно.

Он просто... не имел воли делать что-либо.

— ...В этом нет необходимости.

Кетрон тихо отказал. Это был второй раз, когда он открыл рот сегодня.

— Почему? — Мужчина склонил голову, явно озадаченный.

Что ему сказать? Он мог бы проигнорировать это. Но почему-то Кетрон чувствовал, что сколько бы раз он это ни делал, этот мужчина будет настойчив.

Опустив взгляд, Кетрон медленно разомкнул губы.

— Я... — произнёс он ровно. — Не имеет значения жив я буду или мёртв.

Если он исчезнет из этого мира, никто не узнает. И это не метафора — это факт. Немногие люди, которые всё ещё помнили его, скорее всего, желали ему смерти.

Тем утром, когда он был близок к тому, чтобы разразиться яростью, именно этот мужчина остановил его. И с тех пор Кетрон осознал, что эмоции, что тогда наполняли его, теперь заморожены насмерть.

Не осталось топлива, чтобы воспламенить их. Никакой воли действовать согласно им.

Подобно его существованию, те чувства стали забытыми — размытыми до такой степени, что он даже не мог сказать, что они из себя представляли.

— ...

На этот раз мужчина сохранял молчание.

Любой бы сбился с толку, если бы едва знакомый человек внезапно заявил, что ему плевать, жив он или мёртв. Кетрон знал это. Но он надеялся, что это наконец положит конец интересу незнакомца к нему.

Обычно люди отступают, услышав нечто подобное — если только они не хотят запутаться.

Как и следовало ожидать, мужчина выглядел ошеломлённым. Он действительно не ожидал такого ответа.

Кетрон тихо снова закрыл глаза. Он надеялся, что мужчина просто уйдёт и потеряет интерес.

Если он просто сделает это, тогда Кетрон сможет закончить столь бессмысленное существование и покинуть это место навсегда.

Но то, что последовало дальше, было не звуком закрывающейся двери.

Раздался мягкий хлопок — словно что-то проткнуло тонкую плёнку. Рефлекторно открыв глаза, Кетрон увидел, как мужчина протыкает соломинку бутылку с молоком.

Он протянул её Кетрону.

На мгновение Кетрон просто уставился на соломинку, не понимая, что это значит.

— Выпей это. — Голос мужчины был странно твёрдым — более серьёзным, чем раньше.

— Оно не отравлено. Ты можешь это выпить. И эй, даже если бы и было — разве ты не сказал, что не имеет смысла жив ты или мёртв? Тогда выпей. Сладкое — заставляет чувствовать себя хорошо.

Соломинка ткнулась ему под подбородок. Он никогда не реагировал, даже когда мечи или стрелы касались его горла — но теперь, с этой мягкой пластиковой соломинкой, он инстинктивно дёрнулся.

Мужчина спокойно вложил соломинку между губ Кетрона.

Тёплое, незнакомое ощущение пластика, проходящего мимо его губ, заставило Кетрона застыть в шоке.

— Просто пососи её. Вот так — втяни.

Он даже объяснил, как это делать. Не осознавая, что его увлекли за собой, Кетрон повиновался. Он пососал соломинку, и прозрачный пластик наполнился жёлтым, пока жидкость поднималась.

— !

Вкус был холодным, сладким и насыщенным — нечто, чего Кетрон никогда раньше не

испытывал. Поражённый, он инстинктивно отстранился, и жидкость потекла по его подбородку.

— Ой-ой. — Мужчина усмехнулся и вытер его подбородок рукой. Жёлтое молоко размазало по его пальцам.

Почему-то то, как мужчина вытирал его — словно он и вправду был каким-то неряшливым маленьким ребёнком — заставляло Кетрона чувствовать себя смущённым и растерянным.

— Не растрчивай его. Эти штуки даже не продаются, знаешь ли.

Вот.

Мужчина снова предложил соломинку.

— ...

В первый раз Кетрон среагировал, не думая. Но теперь он точно знал, что делает эта соломинка. И какой у неё вкус.

Если бы кто-то другой сделал это с ним, Кетрон отшвырнул бы бутылку.

Но почему-то сейчас он не мог этого сделать.

С тех пор как он очнулся и направился к Империи, он продал почти всё, что у него было — кроме священного меча — чтобы наскрести достаточно на дорогу.

Никто не обращал внимания на юношу с пустыми глазами. Они брали то, что он предлагал, отдавали то, что были должны, и уходили.

Это был первый человек, который проявил к нему доброту, не ожидая ничего взамен.

Кетрон не был тем, кого трогают такие мелочи — даже сейчас.

Но он не хотел плевать в лицо этой ясной улыбке. Он не хотел причинять боль этим мягким, не огрубевшим рукам, которые даже никогда не держали клинка.

Так что, нерешительно, Кетрон снова взял соломинку в рот. Теперь, когда он знал как, он сосал её легче, и жёлтая жидкость плавно потекла в его рот.

Холодная, насыщенная и —

— Сладкая, да? — Мужчина спросил с улыбкой. Только это было не совсем вопрос. Это был тон того, кто заранее знал ответ.

Прямо как и говорил мужчина — оно было сладким. Этот густой, сахарный вкус заполнил его рот. Словно тот, кто нашёл оазис в пустыне, Кетрон жадно сосал, сам того не осознавая. Как ребёнок.

— Умереть достойны только те, кто совершил непростительные грехи. Разве ты делал что-нибудь подобное?

Кетрон не мог ответить словами — его рот был всё ещё занят питьём — так что он просто покачал головой.

Грехи, хм. Кетрон всегда взваливал на себя слишком много. Он никогда не выбирал самый мирный путь, но целью его поступков всегда была справедливость.

Мужчина снова улыбнулся, словно ожидал этого.

— Тогда живи. Жизнь — это не что-то что можно выкинуть просто потому что споткнулся о надоедливый камень. Даже когда случаются плохие вещи, случаются и хорошие. Именно это и делает жизнь стоящей и ценной.

— ...

— Ты ещё молод.

На этот раз мужчина мягко потрепал Кетрона по голове, словно он был его младшим братом.

— У тебя ещё есть время.

Гульк.

Бутылка из под молока издала громкий звук. Две пары глаз устремились на неё. Жёлтая ёмкость, прежде наполненная жидкостью, теперь была пуста. Кетрон выпил всё до дна.

Почему-то это заставило его чувствовать себя странно смущённым. Он застыл с соломинкой всё ещё во рту.

— Ну как? — Мужчина спросил спонтанно. Кетрон не понял сначала, что значит вопрос. Он

спрашивал о том, что сказал? Или о молоке?

Вскоре он осознал, что о последнем. Он ответил честно, не думая.

— Оно сладкое.

— Говорил же, что вкусное, да? — Мужчина радостно улыбнулся, словно его только что похвалили.

И то, как он спросил, вкусно ли — Кетрон не мог не услышать в этом, будто мужчина и вправду говорил: «Видишь? Хорошие вещи всегда есть и будут».

Хорошие вещи, хм.

Кетрон подумал мгновение. Прошло много времени с тех пор, как что-то новое проникало в его разум. Но этот один вопрос вызвал ответ почти мгновенно.

Да.

Это и вправду была лучшая вещь, что случилась с ним за прошедший месяц.

Переводчик и редактор: Mart Propaganda.

Странно, я ожидал неожиданного вмешательства меча-матершинника.

<http://bllate.org/book/14756/1316936>